

Я возвращаю ДОЛГИ

18+

Игнатов Алексей

Алексей Игнатов
Я возвращаю долги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482818

SelfPub; 2023

Аннотация

Долги нужно возвращать. Вот только как быть тому, чей долг – сама его жизнь? Как оплатить такой счет?

Алексей Игнатов

Я возвращаю долги

Костюм пожарного можно легко купить, если есть желание. Можете нарядиться в него на карнавал. Можете устроить ролевые игры с любовницей. А можете пробраться в больничную палату. Я напялил костюм, что бы не выделяться в толпе других пожарных и пройти в больницу незамеченным. Ульман лежал в реанимации, мне не позволяли с ним увидеться, вот и пришлось устроить маскарад.

– Вы не родственник! В палату допускаются только родственники, я не могу вас пустить к пациенту, – заявил молодой доктор, пижон в халате, и выставил меня за порог.

Да, я не родственник, а всего-навсего друг, и для больничных правил это ничего не значит. Но значит для меня! Из-за меня Ульман попал сюда, почти расстался со своей жизнью, что бы спасти мою. Я должен увидеть его, должен быть с ним рядом, даже если это против правил. Должен хотя бы сказать: «Спасибо!» тому, кто кинулся в огонь ради меня, это самое малое, что я могу сделать. Меня не хотели пускать в палату, но я не забываю о своих долгах.

Так всегда было. В начальной школе я мечтал о скейте. «Джардис-3000», лучшая доска в мире! Я часами стоял и любовался ей в витрине магазина. Нечего было и мечтать, что мамаша потратит последние деньги на доску ради меня, но я

мечтал. Воображал, как мчусь по улицам, перепрыгиваю через бордюры и укорачиваясь от машин. Я супермен на доске, король всех скейтов, и мир аплодирует, видя мои прыжки!

Ульман подарил мне доску на день рождения, и ради доски для меня он продал свой любимый велосипед. Я катался весь день, а утром вернул скейт в магазин и пошел выкупать велосипед Ульмана обратно. Денег не хватило, и на две недели я продался в рабство соседской старухе. Мыл для нее окна, подметал, подстригал кусты, что бы заработать несколько монет. Я даже умыкнул кошелек у матери, и забрал деньги, отложенные на еду. Я собрал все, что смог собрать, и вернул велосипед его владельцу. Скейта у меня уже никогда не было, но я вернул долг, я не мог принять подарок, сделанный такой ценой.

Я знаю, когда должен кому-то, и всегда плачу по всем счетам. Моя первая жена ненавидела эту привычку, устраивала скандалы, а после развода оставила себе квартиру, собаку и дочь. Мне достались старая машина и гараж. Адвокат советовал оспорить такой раздел имущества, но я не стал. Гараж нам подарил ее старик-отец, а машину мы купили вместе, так что я сам отдал гараж ей, а машину продал, и вернул половину денег. Я возвращаю долги.

Пришлось купить себе новое жилье, и я взял в ипотеку старый домик по соседству с домом Ульмана. Крыша течет, стены в пятнах воды, проводка постоянно искрит, по пустым комнатам гуляют сквозняки – весь этот праздник жизни до-

стался мне еще и в долг. Я мог сократить платежи по ипотеке, сослаться на финансовые трудности, адвокат объяснил мне, что можно сделать, что бы ни платить по счетам. В ответ я объяснил ему, во всех анатомических деталях, куда он может засунуть свои лазейки в документах и юридические хитрости. Я занял денег у Ульмана, рассчитался с банком, а потом нашел вторую работу, и почти год трудился без единого выходного, что бы рассчитаться с Ульманом.

– Это же не срочно, дружище! – сказал тогда Ульман. – Вернешь, когда сможешь, я не настаиваю!

Но ему и не нужно было, настаивал я. Было тяжело, но я справился. Можно прожить несколько месяцев в пустом доме без мебели и сантехники. Можно спать на полу и ходить в туалет в ресторан за углом, если на кровать и унитаз пока не хватает наличности. Так жить я могу. Но нельзя прожить, зная, что не вернул долг. Я отдал все.

Теперь я снова задолжал ему, и уже не просто деньги, а саму свою жизнь. Огонь занялся в розетке за книжной полкой. Немного искр, и бумага начинает тлеть. Небольшой сквозняк от открытого окна, и искры превращаются в первое пламя. Робкое, скромное, оно тихонько входит в дом, знакомиться с книгами на полках, идет дальше, встречает бумажные обои. Как человек, который становится старше, и обзаводиться имуществом, пламя растет и прибирает к рукам все, до чего может дотянуться.

Тот, кто крепко спит в пожаре, может не проснуться, и

тогда он просто задохнется в дыму. Когда тело начнет обугливаться, больно уже не будет. Не проснуться в пожаре – это милость и везение. Мне не повезло, я проснулся.

Дом горел. Пластик в отделке комнат пузырился и капал, разжигал пламя на деревянном полу, дым отправлял воздух и выжигал легкие. Я проснулся уже почти мертвый, не мог видеть, не мог дышать, не мог кричать. Мог только ползти по горячему полу, обжигая руки. Комнаты пылали, входная дверь пылала, и я пополз в ванную, надеялся спастись от огня в ванне с водой.

Я должен был умереть в этом огне, горящая дверь ванной комнаты сказала, что я не выживу. Огонь пришел туда раньше меня, но знал мой план, он отсекал пути к спасению. Я скорчился на полу, кожа уже начала пузыриться, одежда тлела.

Ночью огонь видно издалека. Все соседи вышли на улицу, они смотрели, снимали пожар на видео, и ничего не делали. Кроме Ульмана! Он вызвал пожарных, а потом вошел в дом, накрыл меня одеялом, сбил пламя с одежды и потащил за собой. Я помню, как просил дать мне умереть, но он не сдался, дотащил меня до окна и вытолкнул наружу.

Я лежал на земле и кашлял. Пожарные разматывали шланги, заливали водой остатки дома, и никто больше не выходил из него. Когда тело Ульмана вынесли на носилках, скорая помощь уехала с сиренами, и только так я понял, что он все еще жив. В морг можно было бы и не спешить, значит,

его везли в реанимацию.

Мои ожоги почти затянулись за пару недель. Глаза перестали слезиться, я снова мог видеть и дышать, а вот Ульман уже не мог. Он потерял сознание в огне, сжег половину кожи, сжег легкие. Насосы вдували в его тело кислород, и Ульман жил только пока насосы работали.

А я жил благодаря ему. Каждый вдох – за его счет, он одолжил мне новую жизнь, а я всегда возвращаю долги. Я не мог ждать! Он умрет, а я не смогу даже попрощаться, даже просто сказать: «Спасибо, Ульман!».

Поэтому я и купил костюм пожарного. А вместе с ним дымовые шашки, коньяк и сильные таблетки, понижающие давление. Пожалуй, эту идею мне подсказали те пожарные, которые тушили мой дом – одинаковые, в масках, под которыми не разглядеть лица.

Бродяга, живший под мостом, обрадовался деньгам и еде, а особенно коньяку, но мы четко обговорили план – он получит бутылку только когда сделает свое дело. Всего-то и нужно, что найти открытые окна больницы и забросать их дымовыми шашками, что бы сработала пожарная сигнализация. Он все сделал как надо, я вручил ему коньяк, и счастливый бродяга уполз обратно под свой мост. Я растер в пыль и всыпал в напиток столько таблеток, что он упадет в обморок после пары глотков, и уже не очнется, не сможет рассказать обо мне.

Когда приехали пожарные, я вошел в больницу вместе с

ними. Никакой пижон в халате не остановит героя-огнеборца, идущего в огонь и дым, не скажет: «В палату допускаются только родственники!». Никто не узнает лицо под маской противогаза. Врачи и пациенты кричали, бегали по коридорам, какого-то парня в инвалидном кресле уронили с лестницы вместе с креслом, и никому не было до меня дела.

Я просто прошел в палату Ульмана, без всяких помех. Мне говорили, что он не очнется, но он очнулся, открыл глаза и смотрел на меня. Теперь я смогу отдать долг!

– Ты спас меня, братишка, – сказал я, – и я хочу, чтобы ты знал, как я благодарен за это. Ты меня спас, и я живу теперь только по твоей милости. Но тут такое дело – я всегда возвращаю долги, ты же знаешь. Я ненавижу быть должником, хуже нет на свете, чем быть кому-то обязанным! Знать, что деньги есть, потому что ты кинул их мне в лицо, как подачку. Что скайт у меня только потому, что ты сделал мне одолжение, и я должен кататься и вспоминать, что это все по твоей милости. Что я тебе должен! Я же просил оставить меня в пожаре, почему ты не слушал? Уж лучше сгореть, чем жить и помнить, что я теперь всем тебе обязан, живу по твоей прихоти. Я возвращаю долги! А как мне теперь это сделать?

Когда отключились насосы, он все еще дышал, и мне пришлось положить подушку на его лицо. Он не понял, наверное, почему я должен поступить, но я всегда плачу по счетам, я никому не хочу быть обязанным! Жизнь – слишком большой долг, такой нельзя вернуть.

Теперь Ульман мертв, и больше я никому ничего не должен.